

Т.П. Буслакова

«Размышления у парадного подъезда» (1858)

В стихотворении видны жанровые признаки элегии (свободное построение, изложение от первого лица, медитативность) и сатиры. В лице автора соединяются черты повествователя, рассказывающего о событиях и характерах, и лирического героя, открыто проявляющего свою позицию.

Отправной точкой в развитии сюжета является «парадный подъезд», роскошные палаты влиятельного лица. Около них можно увидеть целый город:

Вот парадный подъезд,
По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой...

...

А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица...

Здесь появляются и чиновники с поздравлениями, и «просители», и «курьеры с бумагами» (каждая из маленьких частей со своими героями отделяется в едином, не разделенном на строфы тексте с помощью ритмической границы: состоящая из строчек, написанных трехстопным анапестом, часть начинается строкой четырехстопного анапеста). О заветные двери бьются волны контрастных эмоций — «испуг» — довольство, горе — радость («киной напеваает «трам-трам»).

Особое внимание лирического героя вызывает появление деревенских ходоков. В характеристике их образов сочетаются авторские оценки («знать, брели-то долгонько они...», «покуда я видеть их мог...»), взгляд нейтрального повествователя (детали портрета: «русые головы «загорелые лица и руки», «армячишка худой», котомки, «самодельные лапти», «кошли»), оценка швейцара и «кого-то» из-за заветных дверей («некрасивы на взгляд», «оборванная чернь»). Эпизод с приходом мужиков превращается в центральный объект повествования благодаря тому, насколько подробно изображены чувства «деревенских русских людей». «Надежда и мука» сквозят в их поведении («Помолились на церковь и стали вдали...»). Безнадежно разводят руками мужики, получив отказ. Обращение к божьей правде образует кольцо в обрисовке сцены:

Помолились на церковь и стали вдали...

...

Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки...

...

Кто-то крикнул швейцару: «гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь...

...

И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его Бог!

«Громы небесные» на «владельца роскошных палат» призывают не они, идущие от парадного подъезда «с непокрытыми... головами». К нему обращается с гневной

инвективной лирический герой, обличающий пороки хозяев жизни (лесть, «волокичество, обжорство, игра»), а главное — презрение к «скорби вопиющей» народа). В картине «вечного праздника» существования «такой особы» нарочитая красота («Под пленительным небом Сицилии», «солнце пурпурное», «море лазурное») оказывается подменой истинного смысла происходящего. «Дорогая и любимая семья» в действительности ждет его «смерти... с нетерпением», «громкая хвала» будет заглушена проклятиями («Втихомолку проклятый отчизною...»).

Вследствие того, что в антитезах выбор лирического героя и правда истории связаны со скрытыми в современности чертами, противопоставление «такой особы» и «мелких людей» оказывается значимым в выражении основной мысли стихотворения. Мужик — главное богатство «родной земли», и его бедствия вызывают даже не возмущение, а «злобу» автора. Он «сеятель... и хранитель» России. Но где бы он ни находился — у заветных дверей «судов и палат», у себя в деревне или «глухом городишке», ему, как будто в рудниках или в остроге, не дано радоваться «свету божьего солнца»:

...Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?

«Стон» — понятие, выражающее великую скорбь, вековую обиду, муку народа (настойчивое повторение понятия — всего одиннадцать раз — усиливает впечатление переполняющей душу боли):

Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля,—
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!

Лирическому герою важно услышать в бесконечном стоне предвестие того, каким будет исход борьбы главного героя русской истории с судьбой:

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинувшись закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

Мотив поиска ответа на главный для автора вопрос обращает к реминисцентному источнику стихотворения. Так же как у Гоголя («Мертвые души», гл. 11), в некрасовских «размышлениях» песня, выявляющая основы мировосприятия народа, дает основание для ответа. Однако если в гоголевской поэме автор не сомневается, что среди «могучего пространства» родятся богатыри, полные «беспредельных» сил, то для Некрасова важна другая сторона. Конкретика в изображении народной психологии и убогого, бедного быта крестьян подтверждает реальность вывода о безжалостном законе судеб. Мир «глух к добру», и все духовное богатство крестьянина расходуется на то, чтобы перетерпеть «неисходное горе»:

И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

...

Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало...